Шелк

Автор:
Алессандро Барикко

Шелк

Алессандро Барикко

Алессандро Барикко – один из ярчайших современных писателей, символ итальянской литературы. Его бестселлер «Шелк» всемирно известен и переведен на десятки языков. Это роман о любви, трогательной и невероятно красивой. История отношений молодого француза, его жены и гейши-европейки очаровывает читателя. Изящный эротизм, щемящая тоска и сладкая нежность, дальние путешествия, поиски настоящего счастья, которое мерцает вдалеке и манит за собой (а на самом деле оно совсем рядом, только герой не видит его в погоне за мечтой!), – все это есть в романе «Шелк», нежной и волнующей книге о любви…

Алессандро Барикко

Шелк

1

Хотя отец и рисовал для него блестящую карьеру военного, в конечном счете Эрве Жонкур стал зарабатывать себе на жизнь весьма необычным ремеслом, которому, по иронии судьбы, была не чужда особенность настолько привлекательная, что выдавала смутную женскую интонацию.

Эрве Жонкур зарабатывал на жизнь тем, что покупал и продавал шелковичных червей.

Шел 1861. Флобер сочинял «Саламбо», электрическое освещение значилось в догадках, а по ту сторону Океана Авраам Линкольн вел войну, конца которой он так и не увидит.

Эрве Жонкуру было тридцать два года.

Он покупал и продавал.

Шелковичных червей.

2

Вернее сказать, Эрве Жонкур покупал и продавал шелковичных червей, когда они пребывали еще не в виде червей, а в виде крошечных желтовато-серых яичек, неподвижных и как будто мертвых. На одной ладони их помещалось видимо-невидимо.

«Все равно что держать в руке целое состояние».

В начале мая яйца раскрывались, высвобождая личинку. Через месяц лихорадочного поедания тутовых листьев личинка окуклялась, навивая кокон. А еще через две недели окончательно прободала его, оставляя по себе солидный прибыток, выражавшийся в тысяче метров грубой шелковой нити и кругленькой сумме французских франков. При условии, что все проходило строго по правилам и – как в случае с Эрве Жонкуром – в каком-нибудь подходящем местечке на юге Франции.

Лавильдье – так звалось местечко, где жил Эрве Жонкур.

Элен – так звали его жену.

Детей у них не было.

3

Дабы избежать пагубных последствий мора, то и дело опустошавшего европейские рассадники, Эрве Жонкур все больше склонялся к покупке яиц шелкопряда за Средиземным морем, в Сирии и Египте. В этом заключалась утонченно-рискованная сторона его ремесла. Что ни год, в первых числах января он отправлялся в путь. Тысяча шестьсот миль по морю и восемьсот верст по суше. Он отбирал товар, приценивался и покупал. Затем проделывал обратный путь – восемьсот верст по суше, тысяча шестьсот миль по морю – и поспевал в Лавильдье как раз в первое воскресенье апреля. Как раз к Праздничной мессе.

Еще две недели уходили на то, чтобы разложить и продать кладки яиц. Остаток года он отдыхал.

4

– Какая она, Африка? – спрашивали его.

– Усталая.

У него был большой дом прямо за окраиной городка и маленькая мастерская в центре – прямо напротив заброшенного дома Жана Бербека.

Однажды Жан Бербек решил, что не будет больше говорить. И сдержал слово. Жена и двое дочерей ушли от него. Он умер. На дом никто не позарился, вот и стоял он в полном запустении.

Покупая и продавая шелковичных червей, Эрве Жонкур зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить себе и своей жене те удобства, которые в провинции принято считать роскошью. Он умело заправлял хозяйством, во всем знал меру, ну а

вероятность – вполне достижимая – по-настоящему разбогатеть оставляла его совершенно равнодушным. Тем более что был он из тех, кому по душе созерцать собственную жизнь и кто не приемлет всякий соблазн участвовать в ней.

Замечено, что такие люди наблюдают за своей судьбой примерно так, как большинство людей за дождливым днем.

5

Спроси его кто-нибудь, Эрве Жонкур ответил бы, что готов жить так вечно. Но вот, в начале шестидесятых, моровое поветрие пебрины напрочь загубило рассадники шелкопряда в Европе, пахнув к тому же за море, в Африку, а по слухам, и в Индию. Когда в 1861 Эрве Жонкур вернулся из очередного путешествия со свежей кладкой яиц, спустя два месяца почти весь выводок был охвачен недугом. Для Лавильдье, как и для множества других мест, благоденствие которых держалось на шелковом деле, тот год показался началом конца. Наука была бессильна разгадать причины мора. Весь белый свет, до крайних своих пределов, находился точно в плену у загадочного колдовства.

– Весь, да не весь, – тихо молвил Бальдабью. – Да не весь, – добавил он, разбавляя на два пальца свой перно.

6

Бальдабью был тем самым человеком, который появился в здешних краях двадцать лет назад, прямиком направился к городскому голове, без объявлений вломился в его кабинет, раскинул на столе шелковый шарф цвета вечерней зари и спросил:

– Как по-вашему, что это?

– Женские фитюльки.

– Не угадали. Фитюльки, только мужские: звонкая монета.

Городской голова велел выставить его за дверь. Тогда Бальдабью построил вниз по реке прядильню, на опушке леса – ригу для разведения шелкопряда, а на развилке вивьерской дороги – часовенку в честь святой Агнессы. Нанял десятка три работников, выписал из Италии диковинную деревянную машину – сплошные шестеренки да колесики – и не изрек ни слова еще семь месяцев. Потом снова нагрянул к городскому голове и выложил на стол тридцать тысяч франков крупными купюрами в аккуратных стопках.

– Как по-вашему, что это?

– Звонкая монета.

– Не угадали. Это доказательство того, что вы олух царя небесного.

Бальдабью собрал деньги, запихнул их в суму и пошел к выходу.

Городской голова остановил его:

– Что от меня требуется, черт подери?

– Ничего – и вы станете самым богатым городским головой во всей округе.

Через пять лет в Лавильдье было семь прядилен; городок стал одним из главных шелководческих и ткацких центров Европы. Бальдабью не был его единственным владельцем. На этом необычном поприще он обрел последователей среди местной знати и помещиков. Каждому из них Бальдабью без утайки раскрывал секреты ремесла. Это занимало его куда больше, чем тривиальное огребание денег лопатой. Он наставлял. И щедро делился тайнами. Такой он был человек.

А еще Бальдабью был именно тем человеком, который восемь лет назад изменил жизнь Эрве Жонкура. В то время первые моровые пагубы уже начали изводить европейские плантации шелкопряда. Бальдабью хладнокровно обмозговал положение и пришел к выводу, что задачу не нужно решать, ее нужно обойти. План у него созрел, не хватало только исполнителя. Он понял, что нашел его, когда впервые увидел Эрве Жонкура. Тот проходил мимо кабачка Вердена в щегольском мундире пехотного подпоручика, горделиво вышагивая, как и подобает молодому офицеру в отпуске. Тогда ему минуло двадцать четыре. Бальдабью зазвал его к себе, развернул перед ним атлас, пестревший экзотическими названиями, и сказал:

– Поздравляю, мой мальчик. Ты наконец-то нашел серьезную работу.

Эрве Жонкур выслушал причудливый рассказ о шелкопрядах, личинках, пирамидах и морских странствиях. А потом сказал:

– Я не могу.

– Что так?

– Через два дня у меня кончается отпуск. Я должен вернуться в Париж.

– Военная карьера?

– Да. Такова воля отца.

– Это не вопрос.

И он повел Эрве Жонкура к отцу.

– Как по-вашему, кто это? – спросил Бальдабью, без объявлений вломившись в кабинет отца.

– Мой сын.

– Взгляните получше.

Городской голова откинулся на спинку кожаного кресла и почувствовал, что потеет.

– Это мой сын Эрве Жонкур. Через два дня он вернется в Париж. Там его ждет блестящая карьера в нашей доблестной армии, если на то будет воля Господа и святой Агнессы.

– Верно. Только у Господа и других дел по горло, а святая Агнесса терпеть не может военных.

Через месяц Эрве Жонкур отправился в Египет. Он вышел в море на корабле под названием «Адель». В каютах витали ароматы камбуза, некий англичанин уверял, что бился при Ватерлоо, вечером третьего дня на горизонте, словно хмельные волны, блеснули дельфины, в рулетку без конца выпадало шестнадцать.

Вернулся он спустя два месяца – в первое воскресенье апреля, как раз к Праздничной мессе – с двумя деревянными кофрами: проложенные ватой, там почивали тысячи яичек шелкопряда. В придачу у него накопилась уйма всевозможных историй. Но когда они остались наедине, Бальдабью спросил его лишь об одном:

– Расскажи мне о дельфинах.

– О дельфинах?

– О том, когда ты их видел.

Таким был этот Бальдабью.

Никто не знал, сколько ему лет.

– Весь, да не весь, – тихо молвил Бальдабью. – Да не весь, – добавил он, разбавляя на два пальца свой перно.

Август, время за полночь. Обычно в этот час кабачок Вердена давно уже закрывался. Перевернутые стулья рядком выстраивались на столах. Стойка и все прочее были отчищены. Оставалось погасить свет и закрыть кабачок. Но Верден терпеливо ждал. Бальдабью продолжал говорить.

Эрве Жонкур сидел напротив с потухшей сигаретой во рту и неподвижно слушал. Как и восемь лет назад, он безропотно позволял этому человеку заново выстраивать его судьбу. Тихая, отчетливая речь перемежалась ритмичными глотками перно. Бальдабью не смолкал в течение долгих минут. А напоследок заключил:

– У нас нет выбора. Если мы хотим выжить, нам нужно дотуда добраться.

Молчание.

Облокотившись о стойку, Верден поднял на них глаза.

Бальдабью целиком отдался поискам лишнего глотка перно со дна стакана.

Эрве Жонкур примостил сигарету на краю стола, прежде чем сказать:

– А вообще, где она, эта Япония?

Бальдабью поднял палку, направив ее поверх церкви Святого Огюста.

– Прямо, не сворачивая.

Сказал он.

– И так до самого конца света.

9

В те времена Япония и впрямь была на другом конце света. Два столетия остров, собранный из островов, существовал в полном отрыве от остального мира, пренебрегая всякой связью с континентом, не подпуская к себе иноземцев. Китайский берег отстоял миль на двести, но императорский указ способствовал тому, чтобы он откатился еще дальше: указом повсеместно запрещалось строительство двух– или трехмачтовых кораблей. Следуя по-своему дальновидной логике, указ не возбранял покидать родину, зато обрекал на смерть каждого, кто посмеет вернуться. Китайские, голландские и английские купцы не раз пытались прорвать эту нелепую обособленность, но им всего-навсего удавалось сплести непрочную и чреватую опасностями сеть контрабанды. В итоге они довольствовались мизерным барышом, кучей неприятностей и расхожими байками, которые травили по вечерам в каком-нибудь порту. Там, где оплошали купцы, преуспели, бряцая оружием, американцы. В июле 1853 коммодор Мэтью К. Перри вошел в бухту Иокогамы с новейшей флотилией паровых судов и предъявил японцам ультиматум, в коем «уповалось» на доступность острова для иностранцев.

До этого японцы видом не видывали, чтобы морской корабль шел против ветра.

Когда семь месяцев спустя Перри вернулся за ответом на свой ультиматум, военное правительство острова пошло на подписание договора, по которому чужакам разрешался доступ в два северных порта Страны. Сверх того, им дозволялось заключать первые, весьма умеренные сделки. «Отныне море, омывающее этот остров, – объявил с некоторой помпезностью коммодор, – станет гораздо мельче».

10

Обо всем этом Бальдабью прекрасно знал. Знал он и о легенде, которая не сходила с языка у побывавших там странников. Легенда гласила, что на острове выделывают шелк, какого на всем белом свете не сыскать. Выделывают добрую тысячу лет таинственным способом, достигшим чудесного совершенства. И все бы хорошо, только Бальдабью полагал, что никакая это не легенда, а самая

настоящая правда. Однажды он держал в руках платок, вытканный из шелковой японской нити. Так держат в руках воздух. И когда все, казалось, пошло прахом из-за кутерьмы с пебриной и недужными червями, он разом смекнул:

– Стоит себе остров. Шелкопряда на нем хоть отбавляй. И коли за двести лет на этот остров не ступила нога китайского купчишки или аглицкого страховщика, то никакой заразе туда вовек не дойти.

И не просто смекнул, а известил всех местных шелкоделов, собрав их в кабачке Вердена. Никто из них отродясь ни слыхивал ни о какой Японии.

– Это что же нам, за отборными кладками теперь полсвета отмахать прикажешь? И куда? У них как завидят чужака, так мигом его и вздернут.

– Вздергивали, – поправил Бальдабью.

Шелкоделы не знали, что и думать. Кое-кто возражал:

– Почему же никому до сих пор не пришло в голову закупать там кладки?

Бальдабью мог бы для порядка и приврать, напомнив честному народу, что другого такого Бальдабью им днем с огнем не найти. Но он предпочел выложить все начистоту:

– Японцы смирились с тем, что шелк придется продавать. Но не кладки яиц. Их они берегут как зеницу ока. И объявляют преступником всякого, кто осмелится вывезти кладки с острова.

Шелководы из Лавильдье в большинстве своем были людьми добропорядочными. Им и в голову бы не пришло нарушать закон в собственной стране. Зато перспектива сделать это на другом конце света, похоже, устраивала их вполне.

Шел 1861. Флобер заканчивал «Саламбо», электрическое освещение значилось в числе догадок, а по ту сторону Океана Авраам Линкольн вел войну, конца которой он так и не увидит. Шелководы из Лавильдье объединились в товарищество и собрали порядочную сумму, необходимую для проведения экспедиции. Они сочли разумным доверить ее Эрве Жонкуру. Когда Бальдабью спросил его согласия, в ответ он услышал вопрос:

– А все-таки где она, эта Япония?

Прямо, не сворачивая. И так до самого конца света.

Он двинулся в путь шестого октября. Один.

На окраине Лавильдье он обнял Элен и проронил:

– Ты не должна ничего бояться.

Она была высокой и медлительной. У нее были длинные темные волосы, которые она никогда не собирала в пучок. И чарующий голос.

12

Эрве Жонкур двинулся в путь, имея при себе восемьдесят тысяч франков золотом и полученные от Бальдабью имена трех людей: китайца, голландца и японца. Он пересек границу возле Меца, проехал Вюртемберг и Баварию, въехал в Австрию, поездом добрался до Вены и Будапешта, а затем напрямую до Киева. Отмахал на перекладных две тысячи верст по русской равнине, перевалил через Уральский хребет, углубился в просторы Сибири, сорок дней колесил по ней до озера Байкал, которое в тех краях называют «морем». Прошел Амур вниз по течению вдоль китайской границы до самого Океана. Дойдя до Океана, просидел в порту Сабирк одиннадцать дней, покуда корабль голландских контрабандистов не доставил его до мыса Тэрая на западном побережье Японии. Окольными путями пересек префектуры Исикава, Тояма и Ниигата, вступил в провинцию Фукусима, дошел до города Сиракава, обогнул его с восточной стороны, двое суток дожидался человека в черном, который завязал ему глаза и

провел в деревню на холмах, где он заночевал, а наутро сторговал партию яиц шелкопряда у бессловесного человека, чье лицо скрывал шелковый платок. На закате он укрыл товар в своей поклаже, встал к Японии спиной и тронулся в обратный путь.

Не успел Эрве Жонкур выйти за околицу, как его догнал и остановил какой-то селянин. Он что-то возбужденно затараторил и с любезной решительностью повел чужестранца назад.

Эрве Жонкур не знал по-японски и потому не уяснил речей селянина. Но понял, что Хара Кэй хочет его видеть.

13

Перегородка из рисовой бумаги отъехала вбок, и Эрве Жонкур вошел. На полу, в самом дальнем углу комнаты, скрестив ноги, сидел Хара Кэй. Темная туника, никаких украшений. Единственная зримая примета власти – недвижно лежащая рядом женщина: голова покоится на его животе, глаза сомкнуты, руки скрыты в широком алом кимоно, полыхающем как пламя на пепельной циновке. Он медленно запускает пальцы в ее волосы, словно поглаживая шерстку задремавшего ценного зверька.

Эрве Жонкур пересек комнату, подождал, пока хозяин сделает ему знак, и сел напротив. Какое-то время они молчали, глядя друг другу в глаза. Из ниоткуда возник слуга, поставил перед ними две чашки чая и вновь обратился в ничто. Хара Кэй заговорил на своем языке. Его напевный голос истончался в назойливо-искусственном фальцете. Эрве Жонкур слушал. Он не отрывал глаз от глаз Хара Кэя и лишь на миг, почти непроизвольно, опустил их на женское лицо.

Это было лицо девочки.

Он поднял глаза.

Хара Кэй прервался, взял одну из чашек, поднес ее к губам и, помедлив, произнес:

– Попробуйте рассказать о себе. Он произнес это по-французски, слегка растягивая гласные, хрипловатым, искренним голосом.

14

Недоступнейшему из японцев, хозяину всего, что пришельцам удавалось вывезти с чужедальнего острова, попытался Эрве Жонкур рассказать, кто он такой. Он говорил на родном языке, говорил не торопясь, даже не зная наверное, способен ли Хара Кэй понять его. Словно по наитию отбросил он излишние опасения и без прикрас и умолчаний поведал всю правду. Просто и ясно. Монотонным голосом и скупыми жестами он выстраивал в общий ряд незначительные подробности и главные события, подражая гипнотическому порядку меланхолично-сухой описи уцелевших после пожара вещей. Хара Кэй слушал – черт его лица не тронул и слабый налет выразительности. Он сосредоточенно смотрел на губы Эрве Жонкура, точно это были последние строки прощального письма. В комнате царили такая тишина и неподвижность, что происшедшее вдруг, при всей своей ничтожности, показалось чем-то неимоверным. Внезапно, без малейшего движения, лежащая девушка открыла глаза.

Не прерываясь, Эрве Жонкур бессознательно устремил на нее взгляд, и вот что он увидел, по-прежнему не обрывая речи: у этих глаз не было восточного разреза; и еще: они взирали на него с пронзительной остротой, как будто с самого начала неустанно следили за ним из-под век. Эрве Жонкур отвел взгляд со всей непринужденностью, на какую был способен, стараясь продолжить рассказ и не допустить излишнего перепада в голосе. Он прервался, лишь когда его взгляд упал на чашку чая, стоявшую перед ним на полу. Взял ее одной рукой, поднес к губам, отпил маленький глоток. И снова заговорил, ставя чашку на прежнее место.

15

Франция, хождения за море, дух шелковицы из Лавильдье, поезда на паровой тяге, голос Элен. Эрве Жонкур продолжал рассказывать о своей жизни, чего еще не делал никогда в жизни. Девушка продолжала смотреть на него; ее неистовый взгляд властно принуждал всякое его слово звучать с особой значимостью. Когда вся комната сползла в полную неподвижность, из ее кимоно неожиданно выпросталась рука и бесшумно скользнула по циновке. Эрве Жонкур видел, как это бледное пятно дотянулось до границы его зрительного поля, коснулось чашки Хара Кэя, а затем, необъяснимым образом, заскользило дальше, до следующей чашки – той самой, из которой неотвратимо пил он сам, – без колебаний взялось за нее, легонько вздело и унесло с собой. Хара Кэй ни на секунду не отвлекался от невозмутимого созерцания губ Эрве Жонкура.

Девушка чуть приподняла голову.

Впервые отвела она взгляд от Эрве Жонкура и направила его на чашку.

Медленно повернула чашку, пока губы в точности не совпали с тем местом, где пил он.

Прищурив глаза, сделала глоток. Отстранила чашку от губ.

Спрятала руку в складках одежды.

Склонила голову на живот Хара Кэя.

Пристально глядя в глаза Эрве Жонкура.

16

Эрве Жонкур говорил еще долго. Он приумолк, лишь когда Хара Кэй отвел от него взгляд и еле заметно кивнул.

Молчание.

Слегка растягивая гласные, хрипловатым, искренним голосом Хара Кэй произнес по-французски:

– Надумаете вернуться – приятно будет вас видеть.

Впервые он улыбнулся.

– Вместо яичек шелкопряда вам подсунули рыбью икру: грош ей цена.

Эрве Жонкур потупился. Перед ним стояла чашка чая. Он взял ее и, вращая, начал осматривать, словно выискивал что-то на цветной каемке. Найдя, что искал, он пригубил чашку и выпил ее до дна. Затем поставил чашку перед собой и сказал:

– Я знаю.

Хара Кэй весело засмеялся.

– Оттого-то и расплатились фальшивым золотом?

– По товару и монета.

Хара Кэй посерьезнел.

– Вы получите то, за чем пришли, когда покинете эти места.

– А вы получите ваше золото, когда я покину этот остров целым и невредимым. Вот вам мое слово.

Эрве Жонкур не стал дожидаться ответа. Он поднялся, отступил назад и поклонился.

Напоследок он увидел ее глаза: совершенно безмолвные, они неотрывно смотрели в его глаза.

17

Через шесть дней Эрве Жонкур сел в Такаоке на корабль голландских контрабандистов, доставивший его в Сабирк. Оттуда, вдоль китайской границы, он поднялся до озера Байкал, проделал четыре тысячи верст по сибирским просторам, перевалил через Уральский хребет, добрался до Киева, поездом проехал всю Европу с востока на запад и после трехмесячного путешествия прибыл во Францию. В первое воскресенье апреля – как раз к Праздничной мессе – он показался у въезда в Лавильдье. Остановился, возблагодарил Господа и вступил в город, считая шаги, чтобы у каждого шага было свое имя и чтобы уже не забыть их никогда.

– Ну и какой он, конец света? – спросил у него Бальдабью.

– Невидимый.

В подарок жене он привез шелковую тунику, которую стеснительная Элен так ни разу и не надела. Возьмешь ее в руки – и кажется, держишь в руках воздух.

18

Яичные кладки, привезенные Эрве Жонкуром из Японии, оказались вполне здоровыми, после того как их высадили на множество мелко нарезанных листьев тутового дерева. Шелк в округе Лавильдье выдался в тот год каких свет не видал: и количеством и добротностью. Решили открыть еще две прядильни, а Бальдабью соорудил клуатр возле часовенки Святой Агнессы. Он почему-то вообразил его круглым и заказал проект испанскому архитектору Хуану Бенитесу, построившему немало арен для боя быков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/alessandro-barikko/shelk-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити